

Федоранчик
Сергей

единственный человек на Земле

ро
ма
16+Н

Сергей Федоранич Единственный человек на Земле

<https://litres.ru/72126982>

SelfPub; 2026

Аннотация

Саша Лавров единственный, кто видел лицо самого разыскиваемого преступника в мире. За информацию о нём объявлено вознаграждение, наёмники идут по следу, и скрываться уже невозможно. Власти России и США помещают Сашу в программу защиты свидетелей и прячут у всех на виду превращая в звезду мирового шоу-бизнеса. Карьера в солнечном Лос-Анджелесе, клипы, гастроли, фанаты всё это теперь его жизнь. Но Саша ищет не славы, а своего места в жизни, и поэтому позволяет врагу подойти как никогда близко...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Саша	5
Вася	13
Ника	27
Игорь	40
Саша	51
Глава 2	57
Вася	57
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Единственный человек на Земле

Часть первая

Глава 1

Саша

Россия, Иркутск

Мама не видела, как меня скрутили. Я надеюсь, ей вообще ничего не известно о моем бизнесе. И долгах.

Три месяца назад я, как самый гениальный человек на планете, решил открыть свое дело. Отец дать денег отказался и приказал не совать рога туда, где я ни бельмеса не шарю. Я его, конечно же, заверил, что все понял, но не послушал. И раздал всем своим партнерам по моему скромному бизнесу личные гарантии. Кто же знал, что так дела не ведутся?

И вот, когда стало понятно, что бизнес прогорел, все деньги съедены, а позор остался, я не успокоился и нырнул еще глубже – занял денег у бандита по имени Маруф. Мой друг по кличке Палец настоятельно рекомендовал мне не заниматься у Маруфа. Однако и друга своего я слушать не стал. Я же всех на свете умнее и творю поистине великие дела.

Но хуже дурака только дурак деятельный, как говорится. «Пятьдесят тысяч долларов сумма не маленькая, но не настолько большая, чтобы убивать человека», – рассуждал тогда я.

Но если верить моим суждениям, то сейчас я должен быть дома, а не с вонючим мешком на голове, связанными руками, ногами и под дулом пистолета ехать в гараж, где меня прицепят к батарее, а отца заставят выплатить мой долг.

В этот момент во мне боролись несколько чувств. Я был так зол на себя, обижен на весь мир, но при этом испытывал невероятную жалость к себе. Я вдруг стал таким беззащитным, власть надо мной была в руках людей с пистолетами. И да, штаны... я, кажется, обмочился.

* * *

А вся эта невероятная история началась с моей гениальной идеи создать комедийноэротическое шоу. Сексуальные девушки должны были показывать смешные сценки, танцевать и исполнять каверы на главные хиты эстрады. Так как я был вхож во все известные иркутские клубы и лично знаком со многими артдиректорами, найти денег на старт не составило труда.

Мой бизнесплан оценили и на взаимовыгодных условиях заключили сделку. По моим подсчетам, через несколько месяцев я должен был вернуть кредиторам деньги с процентами, а в качестве бонуса предоставить возможность получить бесплатно по одному два выступления. Быстро собрал команду, арендовал помещение для репетиций, нанял танцоров и хореографов, вложился в покупку декораций и костюмов. Работа началась.

На первом выступлении сразу же возникли проблемы. Оказывается, не так просто заставить людей смеяться. Пришлось нанять фокусгруппу. Мы заказали сценарий у извест-

ного комедийного автора. Я проводил на сцене по двенадцать часов, репетируя номера. Коекак мы все же скомпоновали новую программу, которую назвали «Распутницы», и пригласили всех спонсоров для просмотра.

Шоу провалилось с треском не только в глазах спонсоров, но и в моих. То, что ожидалось от «Распутницы», не получилось даже на десять процентов. Шутки казались избитыми, девушки танцевали так, словно стояли в очереди в туалет, ну а петь просто не всем дано. Неудивительно, что через полчаса ушли практически все спонсоры, остались только друзья и те, кто успел много выпить. Я был готов застрелиться от стыда прямо там, за кулисами. Как отметил один артдиректор, покидая площадку, шоу «Распутницы» – это «амёбы в купальниках».

На следующий день я отправился переубеждать артдиректоров. Но ни один из них не захотел даже выслушать меня. Их интересовали лишь деньги, которые я теперь им был должен. Но у меня не было ни копейки, чтобы заплатить за свой позор. И тогда я поехал к Маруфу. Я занял денег, чтобы отдать долги и вложиться в новую программу. Тем же вечером, рассчитавшись с артдиректорами, я решил собрать свою команду, чтобы обсудить новое шоу.

Но никто не пришел.

Я остался один на один со своими идеями и долгом. Палец, узнав обо всем, испарился, как будто и не было его во все. Очень быстро информация о том, что моя команда раз-

валилась, дошла и до Маруфа. Он потребовал вернуть деньги через три дня. Я пытался договориться с ним, но все усилия были напрасны. Пришлось заверить его, что через три дня деньги будут.

Через три дня – это завтра.

А сегодня я уже с мешком на голове.

Сволочь патлатая. Гад, низкопробный ублюдок! Интересно, о чем думает его дурная башка? Каким образом я теперь смогу раздобыть деньги? Он, скорее всего, рассчитывает шантажировать отца... Не на того нарвался. Мало того, что отец теперь откажется отдавать деньги, так еще и посадит придурка.

– Вам всем конец, – прохрипел я. – Вы разве не понимаете?

В ответ тишина. Только спокойный рев мотора и укачивающая тряска. Мы едем в «Газели», я лежу на полу, лицом вниз. Перед тем как мне натянули черный мешок на голову, внушительных размеров нерусский мужик показал мне пистолет и выразительно приставил его к моему лицу.

– Пикнешь – убью. Все понятно?

С этим парнем явно шутки плохи. Я кивнул, что понял его, и меня запихнули в машину. Несколько пар ног быстро вскочили следом, и машина тронулась.

Мы ехали очень долго. У меня затекли руки, казалось, что кисти вотвот отвалятся. Я хотел в туалет, но на мои просьбы остановить машину никто не реагировал.

– Мой отец найдет вас всех и посадит, – решил я действовать иначе и стал угрожать. – Вы не знаете, с кем связались. Я уверен, что он уже выслал группу захвата.

После этих слов машина остановилась. Я услышал нерусскую речь. Человек что-то обсуждал по телефону. Я постарался напрячь слух. Неужели они напугались и отпустят меня? И тогда я решил добавить масла в огонь:

– Если вы меня отпустите, я попрошу отца отпустить вас. Передайте Маруфу, что мы обо всем договоримся. Я отдам деньги...

– Заткнись, – прервали меня, не дав договорить.

Голос был жестким и холодным. Я решил не сдавать позиций: контакт – ведь это уже очень хорошо! И попытался снова начать диалог:

– Хорошо, но подумайте, лучше все решить сейчас, пока еще вас не успели всех повязать.

Мне было жутко страшно. Еще чуть-чуть – и в штаны вырвется еще одна позорная струйка. Кто знает этих исполнителей? Какие у них приказы?

В ответ – тишина.

Захрустел гравий, к нам подъехала машина. Меня подняли и вывели из машины. Ноги заплетались, но я был рад, что мне позволили их размять. И похоже, сейчас все закончится. Скорее всего, это полицейская машина, отец уже нашел меня! Через секунду с головы сорвали мешок. В глаза ударил яркий свет от фар. Я зажмурился и глубоко вздохнул.

Боже, как чудесен запах январского леса! После провонявшего бензином и машинным маслом коврика на полу «Газели» чистый лесной воздух опьянял. Я оглянулся – мы стояли на шоссе перед машиной, в которой ехали. По обочинам – деревья с мягкими снежными подушками на плечах. Рядом стоял черный джип. Точно такой же у Маруфа. Это точно он, сукин сын! За руки меня держал тот самый мужик, что показывал пистолет, а рядом с ним курили его приятели. Но они не были похожи на выходцев из Персии. Скорее на цыган в тяжелых тулупах и шапкахушанках.

Дверь джипа открылась, и оттуда вывалился толстый мужик в овечьей дубленке нараспашку; голова была без шапки, в мясистом ухе – маленькая сережкаколючко. Он миролюбиво посмотрел на меня, захлопнул дверцу джипа и подошел, разгоняя мерзлый гравий на обочине дороги темносиними мокасинами.

– Здравствуй, красавец, – сказал он все с той же мерзкой улыбкой и сильным акцентом.

– Здравствуйте, – ответил я нарочито вежливо, так, словно вся эта история происходит не со мной, ведь я вежливый, культурный мальчик.

– Я специально попросил моих парней остановить машину, чтобы объяснить тебе коечто, Саша. – Мое имя он произнес с ударением на последний слог, на французский манер. Может, он другого Сашу имел в виду? Но, помолчав пару секунд, он добавил: – Ты можешь не переживать за Маруфа

и деньги.

– Что это значит? – в недоумении спросил я.

– Маруф получил свое. Я купил его у тебя. Он получил с курьером конверт, где было написано «От Саши Лаврова». Ты очень ценный груз, красавец.

И своим толстым пальцем он провел по моему подбородку. Меня передернуло от отвращения, и я заорал, выпуская клубы пара, как лошадь на морозе:

– Идите к черту! Верните меня домой!

– Нет, дорогой, – ответил цыган, не переставая мерзко улыбаться, – ты теперь принадлежишь мне. Ты поедешь со мной и будешь делать все, что я захочу.

– Я не просил вас отдавать долг за меня! – Во мне вдруг заиграла злоба. Какого черта он себе позволяет?!

– О нет, мой дорогой, я заплатил твои долги, но деньги для меня не имеют совершенно никакого значения, мне нужен ты, – проговорил он тихо, практически по слогам и без всякого акцента.

Я сдержал судорогу, но желудок срочно требовал избавиться от завтрака. Сглотнув слюну, задрал лицо кверху и, отрывая фразы, как будто от этого они становились более весомыми, проговорил:

– Мой отец найдет меня. Вас всех посадят. Ты настоящая мразь.

Улыбка на дряблых губах цыгана померкла. Черные как вороново крыло глаза блеснули злобой. Он ударил меня ла-

донью по лицу с такой силой, что на секунду все вокруг закружилось, а в глазах резко потемнело. До этого дня меня никто и никогда не бил. Откудато изнутри выстрелило унижение, тупым ударом под желудок. Я покачнулся, но меня удержали.

Я сплюнул на сухой гравий слюну (спасибо, что без крови), а цыган скомандовал своим парням:

– Поехали.

– Вы забыли мешок, – сказал я дрожащим голосом, только что вернувшись в этот мир после удара. – Ведь я могу запомнить дорогу.

– Планы изменились, – сказал один из похитителей и приставил пистолет к моей голове. – Те, кто обижают барона, обычно не выживают. Так что можешь запоминать дорогу.

Машина барона тронулась. Мой палач взвел курок и ухмыльнулся.

Только сейчас я понял, как ошибался. Меня уже никто не найдет. Я останусь гнить здесь с пулей в виске. От страха я зажмурил глаза.

Вася

Россия, Москва

Знаете, как обычно показывают в фильмах смерть – боли, хрипы, стоны... Но ничего этого не будет. Правда, ничего. Как всегда, ровно в 23.15 мама почистит зубы, облачится в свою старенькую ночную рубашку, аккуратно счистит нежную кожицу с сочного яблока, съест его и ляжет спать. Я подожду, пока она уснет, чтобы подоткнуть одеяло у вечно стынувших ног. Каждый раз боюсь, что, подойдя к кровати, я не услышу сонного дыхания мамы. Я тихонько позову ее, но не для того, чтобы вырвать из сна, а чтобы увидеть чуть вздрогнувшие веки или слабую натугу спящих голосовых связок.

Спустя мгновение я что есть силы буду трясти бесчувственное плечо мамы, но тело будет лишь послушно колыхаться. Глаза будут прочно закрыты, губы сжаты.

Я боюсь, что мама умрет.

* * *

Ни у меня, ни у мамы больше никого нет. С раннего детства я люблю ее всем своим насквозь больным сердцем. В мире нет больше никого, к кому бы я испытывал хоть каплю такой же любви. Ни к своему без вести пропавшему отцу, ни

к покойным ныне дедушкам и бабушкам.

Мы живем очень скромно: на мамину пенсию по старости да на мою по инвалидности. Полученное мы аккуратно складываем в жестяную банку изпод печенья. В месяц выходит двадцать шесть тысяч семьсот сорок пять рублей. Львиную долю тратим на наш быт – оплату «двушки», покупку лекарств и продуктов. Но мы не унываем – у нас есть все, чтобы радоваться жизни. Главное, что мы есть друг у друга. А в нашем доме тепло и уютно.

Когда я прихожу с рынка домой с полными пакетами продуктов, мама всегда говорит одно и то же:

– Васенька, повесь пальто в шкаф, не бросай где попало. И вообще, чай стынет, я пирожков испекла. Мой руки и к столу, сынок.

Я аккуратно вешаю в шкаф пальто, задвигаю дверцу и только потом приступаю к распаковке сумок. Из того, что мне удастся купить на выделенные из жестяной банки деньги, мама всегда умудряется приготовить настоящие шедевры.

Каждую среду и субботу мы делаем генеральную уборку, а после усердной работы мама ставит в печь курник, мы пьем чай у телевизора под передачу Малахова. У нас нет возможности подключить кабельное телевидение, ресурсы в жестяной банке не позволяют. Но главное ведь поставить цель, верно? В этом году у нас их было две – подключить кабельное телевидение и купить маме пальто. Начали мы, конечно

же, с самого важного.

Купить маме пальто мы запланировали давно, еще в середине лета. Разумно посчитав, что у меня есть теплая куртка, бобровая шапка, неплохие ботинки на эту зиму, все накопления на покупку одежды посвятили маме. И вот в день получения маминой январской пенсии последняя капля упала в жестяную банку, и мы отправились в магазин, в котором долго и придирчиво выбирали, шурясь на ценники.

– Васенька, я не хочу быть бабушкой. Это пальто безобразно в принципе, а на мне уж тем более, – причитала мама, примеряя одно за другим изделие.

В конечном счете маме понравилось драповое пальто с мехом лисицы. Кирпичного цвета, длинное, с аккуратным поясом на ажурной латунной застежке.

Вот как сейчас помню этот момент. Я нагибаюсь, чтобы посмотреть ценник, да так и остаюсь в полусогнутом состоянии. Пальто, по нашим меркам, стоит безумных денег – 8770 рублей. А на покупку мы отложили лишь 6500 рублей. В дефиците аж 2270 рублей! Нам это пальто не по карману еще целых три месяца! А о кабельном придется забыть как минимум до лета.

– Что там, Васенька? Сколько? – любясь на себя в зеркале, спрашивает мама.

Я прячу ценник и говорю, что немного дороже. Всего на триста рублей. Но и за ними необходимо идти домой. Мама долго думает, крутится у зеркала, слушает восхищенных

продавщиц и, наконец, соглашается. Она снимает пальто, надевает свою старенькую бобровую шубку, не раз латанную и местами весьма истертую, велит мне договориться на кассе, чтобы пальто отложили на пару часов или до завтра, а сама выходит на улицу. Я договорился, что выкуплю пальто утром, и внес задаток в 6500 рублей.

Мама хочет это пальто. Я знаю ее и чувствую, когда она понастоящему рада. Примерив пальто с лисицей на воротнике, она расцвела и даже както помолодела.

Но боже, где взять 2270 рублей? В копилке такие деньги есть, но они «продуктовые». Потратив их, покупать еду будет не на что. Это очень большие для нас деньги, поверьте. Я инвалид с детства, у меня больное сердце. Даже поход на рынок дается с трудом. Мой мотор к двадцати четырем годам износился так, как будто мне все шестьдесят! Кардиостимулятор не дает ему остановиться, но примерно раз в день я чувствую острое сопротивление электроники зову природы. С таким диагнозом ни о какой работе и речи быть не может. Утром, пока мама готовит завтрак, я беру деньги из банки, иду в магазин и возвращаюсь домой с пальто наперевес.

– Васенька, протри ботинки тряпочкой, не наследи. Вчера только пол вымыли, – слышу я мамин голос.

Я снимаю ботинки, бросаю их прямо у порога и влетаю счастливый в кухню.

– Посмотри, что я принес! – Улыбка не сходила с моего лица.

Мама помешивает манную кашу. Как всегда, в домашнем костюме, поверх которого старенький, но идеально чистый передник. На ногах мягкие байковые тапочки с отворотом из цигейки.

– Что там, Васенька?

– Это пальто, мама! Пальто! Да положи ты ложку!

– Пальто?.. – удивленно переспросила мама.

– Да! – все с той же улыбкой ответил я.

Мама берет из моих рук пакет и извлекает из него пальто. Именно то, которое мерила вчера. Драповое пальто кирпичного цвета, с лисьим воротником и ажурной латунной застежкой на поясе. Застежка все еще помнит мороз и покрыта инеем.

– Вороти его, сегодня же. – Мама строго посмотрела на меня, нахмутив брови.

Я не верю своим ушам. Мама хочет вернуть пальто, о котором так давно мечтала? В чем дело? У меня уже есть план, как восполнить дефицит. И вот, нате вам!..

– Почему, мама? Оно тебе не нравится? – удивленно интересуюсь я.

– Нравится, даже очень, – смущенно отвечает мама.

– И?..

– Это дорого для нас, Васенька. Я слепая, но не настолько. В магазине это пальто висело в секции с ценником «от 8000 рублей».

– Мама! Не переживай ты из-за денег! Это не такая уж и

проблема в наше время! Люди берут кредиты. И я возьму.

Мама с грустной улыбкой гладит мех на воротнике.

– Васенька, кредит – это хомут на наши шеи. Я не могу этого допустить. Даже три тысячи на полгода это по пятьсот рублей. Плюс проценты. Выйдет почти семьсот рублей в месяц. У нас нет такой возможности, сынок. Вороти его, пожалуйста, поскорее.

Я расстроенный ушел к себе в комнату вместе с пальто. Разложив его на кровати, долго гладил мягкий мех и плакал. Понимаю, мама права, и нам придется недоедать, чтобы расчитаться за пальто. Но ведь она так ждала, так мечтала! Мама всю жизнь со мной. Отца же рядом никогда не было. Она воспитывала меня одна. С моего рождения мама изо дня в день во многом отказывала себе, чтобы я ни в чем не нуждался и был как все. Но мои сверстники выросли, возмужали и теперь зарабатывают деньги самостоятельно, помогают матерям и покупают им шубы. Я же не могу купить своей маме даже это чертово пальто! Я инвалид, у меня нет возможности заработать.

Черт! В конце концов, я мужчина. Нездоровый, но мужчина. У меня есть мать, пришло время позаботиться мне о ней. Не может же она тащить меня на своем горбу до самой смерти. У каждого проблемы, бывают ситуации и похуже, чем моя. Я обязан не просто купить это пальто маме, я обязан его ей подарить! Что в своей жизни я сделал, чтобы отблагодарить ее за любовь и заботу? Ничего. Я вышел в ко-

ридор, решительно открыл шкаф, взял незанятую вешалку и натянул на него пальто.

– Вася, что ты делаешь? – с испуганными глазами спросила мама.

– Мы купили это пальто, и точка.

– Василий!

– Мама, этот вопрос закрыт!

* * *

Павлу Витальевичу я позвонил тем же утром.

– Соедините, пожалуйста, с Павлом Витальевичем, – попросил я администратора.

– Как вас представить? – поинтересовалась она.

– Василий Ковалев.

– Минуту, – сказала она, и в трубке заиграла мелодия.

– Я слушаю вас, – после минутной задержки ответили на том конце провода.

– Здравствуйте, Павел Витальевич! Это Василий Ковалев. Мы созванивались с вами несколько месяцев назад.

– Доброе утро, Василий. Я помню. Как ваше здоровье?

– Все хорошо, спасибо. Я звоню вам по делу. Ваше предложение о работе еще в силе?

– Да, конечно. Но, как я понимаю, противопоказания к работе у вас никуда не делись?

– Изменились обстоятельства, – ответил я, решив не вда-

ваться в подробности. — Я согласен. Готов приехать в офис сегодня же, чтобы подписать все бумаги.

— Хорошо, мы будем вас ждать.

* * *

Что бы между нами ни происходило, мама всегда приходит мне на помощь. Даже сейчас, когда я, раздираемый чувством вины, собирался с силами, чтобы извиниться перед ней за свою неоправданную резкость, она пришла сама, тихо постучав в дверь.

— Входи, мама.

В комнату она вошла в пальто со слезами на глазах, но при этом гордая и абсолютно счастливая.

— Васенька, пойдем завтракать? — нежно улыбнулась она мне.

Я поцеловал маму и спросил:

— Мама, ты в пальто завтракать будешь?

Она на секунду задумалась, зарывшись в воротник лицом, после согласно кивнула.

* * *

Ровно в четыре часа я уже сидел в офисе, ожидая встречи с Павлом Витальевичем. В издательстве все ходили в доро-

гих костюмах и модных туфлях. Сидя на диванчике в приемной в своих старых ботинках, чуть белых от уличных ре-агентов, мокрых и далеко ушедших от моды, я чувствовал себя ущербным. Под курткой, выцветшей от времени, у меня был свитер – предел моей гордости. Я приобрел его на рождественской распродаже с огромной скидкой в одном из бутиков города, в который в обычное время я не рискнул бы зайти. Вышло рублей на семьсот дороже, чем на рынке. Но мы смогли себе его позволить.

– Василий Ковалев? – обратилась ко мне секретарь. Она сидела за большим столом, который был завален бумагами доверху. Даже компьютера изза кип видно не было, лишь макушку ее головы.

– Да, это я, – тут же подскочив с дивана, подошел я к столу.

– Проходите, вас ждут, – мило улыбнулась мне девушка.

– Спасибо. – Улыбнуться в ответ вышло плохо, уж слишком я нервничал. А вся окружающая обстановка давила.

Павел Витальевич восседал на троне. Ейбогу, таких огромных кресел я не видел никогда. Темнобордовое кожаное кресло, подкатанное к стеклянному столу на бронзовых ножках – очень экспрессивно. Никаких бумажных завалов – видимо, пройдя через секретаршу, они становятся лаконичными заметками в электронном виде.

Павел Витальевич вскочил с кресла, проводил меня до гостевого трона, малость меньше хозяйского кресла темнозеленой расцветки, и усадил в него.

– Чай? Кофе?

– Если можно, чай. Черный и две ложки сахара.

– Сейчас исполним.

Он сделал через селектор заказ и спустя пару минут секретарь с непрошибаемой улыбкой внесла на подносе чашку чая и вазочку с конфетами.

– Я очень рад, Василий, что вы передумали, – сказал Павел Витальевич, когда секретарь удалилась. На столе перед ним лежало мое резюме. – Так, специального образования у вас нет, но переводите вы очень достойно. Кроме того, албанский язык – явление в России редкое, переводчиков считать по пальцам. Мы платим пять тысяч за один авторский лист. Когда будете готовы к переводу, звоните нам, и мы тут же заказываем для вас текст, который необходимо перевести за сутки. Не более, в противном случае мы теряем свежесть идеи и содержания. Если вы согласны, то можете начать уже сегодня.

– Я согласен.

* * *

Текст, который мне необходимо было перевести, был ужасным. Абсолютно бездарный, наспех набросанный, поверхностный и глупый. После ночи мучений, сидя над документом, я уже отчаялся хоть как-то вникнуть в его суть. О каких-то заключенных, то ли узниках совести, то ли смерт-

никах. Бред полнейший. Текст надо сделать душещипательным. Чтобы вызвать у читателей сострадание и буквально заставить их сделать взнос в рекламируемый журналом фонд помощи заключенным.

Мама, как и я, не спала всю ночь. Она тихо плакала у себя в комнате, чем безумно отвлекала. Да, мне нельзя не спать по ночам – мое сердце может остановиться. Отдых должен быть полноценным. В противном случае начинались тахикардия и сбой ритма. Кончиться такое может полной остановкой сердца. Но нам нужны деньги, и это мое решение. Не надо плакать, мама!

В десять часов утра текст был готов. Дышать было трудно. словно вместо сердца в груди образовалась свалка чугуна. Но я продолжал работу. Вычищал текст, скруглял его и старался сделать конфеткой. В конце концов я перевернул последнюю страницу своего труда и невольно загордился работой – еще немного колдовской пыли, и текст станет очень даже хорошим!

Ровно в пять часов я был в офисе издательства. Сергей Андреевич, редактор, с серьезным видом вычитывал какой-то материал и не мог оторваться ни на минуту. Не поднимая головы от бумаги, он улыбнулся мне и жестом пригласил присесть. Я уселся, сжимая в руках рукопись в обычном пакете из супермаркета. Хотел же еще забежать в канцелярский магазин и купить файл, деловито на рубль пятьдесят, но не вышло. Так торопился, что забыл. Да еще и сердце не да-

вало покоя.

– Я закончил, – оповестил меня Сергей Андреевич.

Он собрал бумаги в кучу и сдвинул на край стола. Потом взглянул на меня и протянул руки, чтобы взять текст. Я вытащил из пакета исписанные черными чернилами серые листы и, придерживая подолы куртки, чтобы не снести ноутбук со стола, подал редактору рукопись. Читал он недолго, выборочно.

– Отлично, Василий. Текст принят. Новый возьмете?

* * *

Мама приготовила легкий ужин, и пока мы ели, она то и дело хваталась за стакан с водой и пододвигала мне. Я мужественно терпел недомогание и всячески демонстрировал, что чувствую себя лучше, чем на самом деле. Мама, естественно, не верила. После ужина я принял душ и лег в кровать.

Сердце покалывало и металось.

Проснулся я тревожный, глубокой ночью. Работа, ожидающая меня в портфеле, не давала покоя. Выпив на кухне стакан воды, я сел за свой письменный стол и достал из сумки новую статью. Она была намного меньше той, что я переводил всю прошлую ночь, и намного понятнее, отчего – проще. Приступлю сразу же после приема лекарств.

Я нагреб горсть таблеток из баночек, которые стояли на

моей прикроватной тумбочке, и вернулся на кухню. Взял таймер, подготовил жидкости для запивания – стакан теплой воды, стакан молока и стакан холодной воды – и принялся за дело. Сначала идут гипертонические таблетки, их следует запивать теплой водой. Я тщательно разжевал три таблетки и запил их. Потом прополоскал рот и съел булочку с молоком – сердечные таблетки на голодный желудок не принимаются. Запустив таймер, я выпил две капсулы, запил молоком, выждал ровно три минуты и выпил еще две, но уже запил остывшей водой. Спустя пять минут финишировал своим любимым глицином под язык. Когда сладкая и вязкая масса под языком рассосалась, принял витамины и запил их холодной водой. Все.

Я проверил сон мамы. Она мирно посапывала у себя в комнате. Я подоткнул одеяло у стынущих ног, поцеловал ее во вкусно пахнущую ночным кремом щечку и принялся за работу.

* * *

Следующий день я помню плохо, какимито обрывками. Помню, что перевод второй статьи лежал в моем портфеле. Портфель – у меня на коленях. Сам же я сидел на скамье. Скамья – в вагоне метро. Вагон мчался по тоннелю. За окном со свистом проносились яркие лампы в темноте. И каждая уверенным кулаком била меня в глаз. Я чувствовал себя

плохо. Мне было душно, по лицу стекал пот.

В голове рождались странные мысли. Помню, как думал о том, что будет, если поезд затормозит посреди тоннеля. Смогу ли я найти в стене дверь и выйти к эскалатору? Конечно же, смогу. Мало воздуха, мало...

Потом помню бригаду «Скорой помощи» на станции... Все почемуто кричат. Я слышу лишь обрывки фраз, плавающие в душном мареве: молодой совсем... ему воздух нужен!.. какое белое лицо... не нужно ему махать перед лицом, женщина... почему врачи тащат его наверх?..

И вдруг резко и отчетливо:

– Марина, адреналин, два кубика. Быстро. Сынок, ты только держись!

Ника

Каких сил мне стоит не разреветься! Но еще больших сил мне стоит не врезать по этой наглой старой морде. Свалить бы ее с ног и растоптать, прыгая всем свои центнером по мясистой морде. В голове вырисовываются детальные картинки расправы. Я этого невероятно хочу, и только Уголовный кодекс (дай бог здоровья его создателям) удерживает меня.

В реальности дела обстоят совсем иначе. Я самая настоящая сопля и размазня. Да и картинки эти воображаемые сворованы у какого-то писателя, то ли у Дина Кунца, то ли у Чака Паланика, то ли у самого Стивена Кинга. Чтото у них там такое было. Я не способна даже на кассиршу в магазине наорать, когда она под видом отсутствия мелочи не дает мне сдачу. То, что в голове моей пылает огонь расправы, совсем не означает, что в настоящей жизни я могу сконцентрировать свое необъятное тело на причинение страдания другому человеку. Нет, ну почему я такая слабохарактерная?

Начальница цеха, куда я только устроилась, плюет мне на фартук и в очередной раз восклицает:

- Приперлась, сука толстая, теперь обучай тебя!
- Но я впервые у станка, – возражаю я с дрожью в голосе, – я еще не знаю, как работать и что мне делать.
- Да мне насрать, жиробаска ты непутевая! – орет она, брызгая на меня слюной. Уж лучше бы она сразу плюнула.

– Вы, русские, москвички, хитро сделанные, на нас выживаете! А мы работать должны за пятерых, чтобы вы получали такую же зарплату, как и мы! Убила бы суку!

Такого я выдержать не в силах. На глазах наворачиваются слезы. Несправедливо! Ну почему же так? Почему она так говорит? Боже мой, да она меня старше в два раза, я не могу ей ответить тем же. Хотя кого я обманываю, даже если бы она была моей ровесницей, я бы все равно в ответ даже не твякнула, потому что я чмыриха! Только и умею реветь.

За что она со мной так? Я всего два часа у станка и сделала всего одну ошибку, карой за которую мне стал ушат помоев и обильно смазанное слюной лицо. Эта смена и три последующие – стажировка на заводе, мне ее не оплатят, зато наверняка руководство выпишет этой хамке премию за стажировку нового сотрудника. Ну почему она считает, что я буду лениться и не работать, а все взвалю на ее плечи?

Мордовка, так ее называют за спиной другие сотрудники, развернулась и ушла, оставив меня одну. Я выхожу за ней следом в общую раздевалку из туалета. Женщины громко что-то обсуждают, сидя где попало – кто-то облокотился о стену, кто-то прямо на полу, а кому-то досталось место на колченогом табурете. Счастливицы. Чувствую, как свело спину, кажется, я не сяду, даже если сильно захочу. Я снимаю маску, наподобие медицинской, только сотканной из более плотного материала, стягиваю фартук и бросаю в утиль.

Есть не хочется, зато хочется курить. Я вынимаю свою

сумку из ячейки, которая не запирается, и в принципе любой может ее забрать или хорошенько в ней пошарить. Где чертова зажигалка? Ну всегда так – пачка толстых сигарет лежит на виду, а маленькая черненькая зажигалка непонятно где. Я усиленно потрошу сумку, а когда наконец нахожу потерю, над головой завывает сирена. Женщины бросают свои недоеденные бутерброды, закрывают пластиковые контейнеры с домашними салатами и отбивными, прячут все в сумки. У выхода уже собралась очередь за новыми халатами, слышен стрекот скотча, которым надлежит перетягивать заднюю часть перчаток, чтобы они не свалились во время работы.

– Толстуха, ты вообще первой должна быть у станка! – орет мордовка, завязывая фартук. Ее глаза смотрят злобно, без какой-либо человечности или сочувствия. Я прячу сигареты обратно в сумку и встаю в очередь.

Раздатчица швыряет мне в лицо фартук и пару перчаток. Я натягиваю все на себя.

– Что ты медленная такая! Толстуха! Быстрее давай! Работа не ждет!

Я замотала скотчем сначала одну, затем другую перчатку и покорно поплелась за мордовкой. Ее внушительных размеров ягодицы явно больше моих. Важно перекатываясь, как валуны в шторм, они сообщают всем, что эта мордовка – важная шишка в цеху мясного комбината. В цеху мордовки мы делаем очень важную и ответственную работу – пакуем сосиски в пачки по полкилограмма, ровно десять штук в

упаковку. А есть еще цеха, в которых пакуют по килограмму и по два в пачку. Там женщины убиваются за одну смену полностью, рыдают прямо в намордниках.

Сосиски вываливают на стол справа от меня, а по конвейеру передо мной едут упаковки, в которые мне нужно сначала собрать, а потом уложить десять сосисок. На то, чтобы укомплектовать одну упаковку сосисками, мне отведено не больше десяти секунд. Я не укладываюсь, и мои упаковки едут полупустые к мордовке, она доукомплектовывает их, сопровождая каждую пачку матом в мой адрес. Я пытаюсь ускориться, но все равно не выходит: хоть сосисок в пачку я успеваю всунуть ровно десять, но ссыпаны они у меня соломой, а нужно – аккуратным рядочком.

Мордовка вскоре не выдерживает и швыряет в меня упаковку с сосисками.

– Сука рукожопая! – орет она. – Сколько я могу за тобой все переделывать?

Сосиски прилетают мне в лицо, достаточно сильно, мокро и унизительно. Они распадаются, рассыпаются под ногами. Я пинаю их под конвейер, стараясь держать себя в руках. Женщина напротив меня делает вид, что ничего не происходит. Она уже разрежала сосиску на пять частей и теперь тихонько просовывает кусочки под намордник в рот. Не дай бог охрана увидит, за каждую сосиску вычтут семьсот рублей из зарплаты. А камеры установлены напротив каждой комплектовщицы.

Я беру себя в руки и снова приступаю к работе. Если я не буду совершать ошибок, то мордовка перестанет на меня кричать? Все, что было мне сейчас нужно, чтобы меня оставили в покое, дали сосредоточиться – и у меня все получится.

Ведь я не глупая дура, не безмозглая! Нет, я сноровистая, терпеливая, и руки у меня пришиты куда нужно. Просто сейчас нелегкий период в моей жизни, и это новая работа, новый опыт. Я никогда не работала руками, и этот навык мне нужно приобрести, чтобы я могла им пользоваться в рабочих целях. Ну почему не понятно, что человеку нужен опыт? Почему эта женщина на меня орет, кидается сосисками?

Чувствую, как к глазам снова подступают слезы. Ника, Ника! Видела бы тебя сейчас мама! Но ее тут нет, и я никогда не позволю себе рассказать ей о сегодняшнем дне и о последующих, если все так и будет продолжаться. Я не стану волновать маму ни за что на свете. Ничего исправить она не сможет, а переживать будет еще как! Нет, это исключено.

Но, боже мой, как хочется после смены поехать не домой, а к родителям, зарыться в теплое одеяло, чтобы мама легла рядом, гладила меня по голове, как в детстве, и тихонько напевала мою любимую колыбельную. Отец будет сидеть в своем кресле в очках с толстыми стеклами и читать газету с безразличным видом, а в душе рваться к нам в кровать. Но он же мужчина, кремьень! Все эти нежности не для него!

Я смеюсь про себя. Папа всегда был мужественным и ред-

ко проявлял чувства, а когда все же снисходил, то предела этой нежности не было. Мы были счастливой семьей... Но время идет, мне уже двадцать шесть, пора становиться самостоятельной.

Из родительского дома я ушла в двадцать, когда училась на третьем курсе университета международных отношений. Родители жили далеко, в Котельниках, а бабушкина квартира, которая после ее смерти досталась мне, была в десяти минутах пешком от «Водного стадиона». И под предлогом более близкого расстояния к университету я переехала в бабулину «однушку». Родителям, конечно же, пришлось разориться на ремонт. Квартира получилась уютной. Сразу видно, сделано с любовью.

Пожалуй, это все, что у меня есть. После окончания университета я поняла, какую глупость совершила. Работать по специальности мне противопоказано – с моей внешностью только ворон пугать. Я толстая, некрасивая, совершенно не женственна. Короче, в международных отношениях я никому оказалась не нужна. Пару лет я работала переводчиком газетных статей, а потом мне так это надоело, что я забросила работу, и вскоре меня уволили. Пару месяцев повалялась на диване, скатываясь в долги по кредитке. Вскоре пришлось приступить к поиску новой работы. Там, где работать я могла по специальности или хотя бы используя свой диплом, меня не брали. А брали меня только туда, где мой диплом был не нужен, как и голова. Бери больше – кидай дальше. Я посиде-

ла у эскалатора в метро, проспала час пик и была с позором уволена. Ой, вою было! На самом деле, функция человека у эскалатора очень важная: в час пик говорить: «Занимайте левую и правую сторону на подъем», в противном случае скапливается очередь. Сами люди не хотят конфликтовать с «бегунами» и встают только на правую сторону. Моя очередь скопилась настолько, что образовался затор, мешающий выходить людям из вагонов. Разбудил меня град, обрушившийся на мою будку – пассажиры возмущенно барабанили по стеклу с требованием сделать хоть что-нибудь. Нет, в тот период я еще не думала, что трудиться на любой работе нужно с максимальной долей ответственности, а не спустя рукава.

После метрополитена я устроилась продавцом в магазин одной крупной торговой сети. В первый же день я сделала недостачу в шесть тысяч рублей. Такого просто быть не могло! Я внимательно следила за кассой и деньгами, но каким-то непостижимым мне образом наколола себя на шесть тысяч! Я выплатила недостачу, и мне указали на дверь. После этого ко мне пришло осознание моей никчемности. Депрессия длилась недолго – что-то надо было жрать. Я порыдала пару дней, а потом в магазине отказала кредитка. Я исчерпала весь лимит! Шестидесят пять тысяч! Мамочки!

Занимать у родителей не позволяла совесть. У мамы пенсия двадцать тысяч, у отца – восемнадцать. Почти половина уходит на лекарства отцу, остальное родители экономно расходуют на проживание. Так еще нужно учесть, что ком-

мунальные платежи за мою квартиру платят родители – три тысячи. Мама настояла, когда поняла, что с работой у меня туго. Так что родители сами на мели, хотя отдадут мне последнее. Но я твердо решила, что со своими проблемами справлюсь сама. И скрепя сердце заложила бабушкино кольцо в ломбард, оформила медицинскую книжку и подала документы на мясокомбинат. Вообще у меня была медицинская книжка, но в отделе кадров мне сказали, что чужие медкнижки не подходят, и я должна пройти их медкомиссию, заплатив три тысячи сразу или же их вычтут потом из зарплаты. Я решила не откладывать это на потом. Еще мне сказали, что каждая смена будет приносить мне две тысячи рублей, но первые четыре придется отработать бесплатно, в счет неоплачиваемой стажировки. Трудовой договор я подписала, но на руки его не выдали.

– Мы не выдаем на руки, – сказала кадровичка, – вы потеряете, потом мы виноваты. Когда вам будет нужно, можете ознакомиться с ним.

Я помню из курса правоведения, что трудовой договор – это именно договор, а не кабальный лист, и составляется в двух экземплярах по одному каждому. У работника должен оставаться документ с условиями работы, подписанный обеими сторонами, чтобы в случае чего он мог обратиться в суд и у него были доказательства, что он работает. Но спорить не стала: мне позарез нужна работа.

– Есть место в упаковочном цеху, – сочувственно посмот-

рела на меня кадровичка, – работа тяжелая, но оплачивается хорошо. Двенадцать часов на ногах, в морозилке, три перерыва по пятнадцать минут, с восьми утра до восьми вечера, два через два. Смена – две тысячи на руки.

– Согласна, – вздохнув, ответила я.

– Первые четыре смены бесплатные, – строго предупредила меня женщина.

Я хотела возразить, что бесплатного труда не бывает, но опятьтаки не стала. Два через два – это пятнадцать смен, то есть тридцать тысяч на руки. Пусть в первый месяц я получу двадцать две тысячи, зато у меня будут деньги и работа. Что поделывать, раз условия такие.

И вот я приперлась на работу. В хорошем настроении, надо заметить. И сразу попала в ад. Все началось с того, что встречающая меня на пропускном режиме женщина спросила:

– Новенькая? В какой цех выходите? – с улыбкой спросила меня она.

– В упаковочный.

– В полукилограммовый, поди? – уже менее радостно поинтересовалась женщина.

– Вроде да.

– Бедная. Ну ты крепись, – сочувственно сказала она мне, а потом шепотом добавила: – Там мордовка всем заправляет, мафию создала. У нее там ад крошечный, развела Саранск!

Я не поняла, при чем тут Саранск и жители Республики

Мордовия, поэтому молча прошла через турникет и направилась по указателям в сосисочный цех, где и должна была провести ближайшие двенадцать часов. В раздевалке я тут же словила свой первый плевок. В самом прямом смысле – необъятная бабища в цветастом платье, сгущающемся на пожухлой груди, смачно сплюнула на пол мне под ноги, не успела я войти.

– Приперлась таки, сука, – сказала она.

– Что, простите? – переспросила я, подумав, что показалось.

Я правда думала, что ослышалась. Ну не может же женщина так знакомиться.

– Я тут главная, – сказала она, – и ты моя раба до конца смены. Снимай свои тряпки, быстро переодевайся в халат и тулуп и бегом к станку. Чтоб не халтурила мне! Работать вместо тебя никто не будет!

И удалилась с важным видом. В комнате было несколько женщин, но они все сделали вид, что ничего не происходит. Одна женщина азиатской внешности подошла ко мне и тихо сказала:

– Не обращай внимания на нее, она больная. Ты спокойно переодевайся, давай я тебе все покажу. Меня зовут Соэль.

– Ника, – представилась я, все еще оторопевшая.

Соэль показала мне шкафчик без дверец, куда следовало ставить обувь, а на нее – сумку. Где брать халаты и перчатки, как надевать ботинки на толстой резиновой подошве, чтобы

не мерзли ноги, как повязать фартук и натягивать перчатки. Когда раздался звонок, оповещающий о начале смены, я была укомплектована и чувствовала себя защищенной. Соэль стояла рядом, и мы намеревались всю смену работать вместе, спасая друг друга от мордовки по имени Людмила.

Но не тутто было. В раздевалку зашла мордовка, так же упакованная. Выразительно прочистив горло, она сказала:

– Работаем так. Китаеза сегодня пашет в браке, а новенькая на упаковке. Остальные как обычно. Вперед, бабы, не простаиваем, сосиски уже несут!

Соэль помахала мне и побежала кудато, а Людмила, сильно сжав мое запястье, потащила меня за собой к огромному подиуму, по которому толстым слоем ползла резина, а на ней целлофановые упаковки.

– Отпустите, мне больно, – попыталась возмутиться я.

– Заткнись. Тебе слова не давали.

С этими словами «мордовка Людмила» для меня стала просто «мордовкой». Она швырнула мою руку и указала на место у железного стола, абсолютно чистого.

– Сюда свалят сосиски, по контейнеру плывет упаковка. Все просто: бери десять сосисок и клади ровными рядами.

И ушла, встав через метров десять от меня.

– Где сосиски? – заорала она. – Где эти дармоеды ходят?

В помещении было прохладно, но не холодно. Напротив меня стояла женщина, смотрела на проплывающие мимо контейнеры, которые сваливались гдето далеко с тихим

стуком. Наверное, их потом соберут с пола и выкинут, ведь нельзя же взять пакет с пола и упаковать в него сосиски?

Оказалось, именно это и следует сделать! Когда конвейер остановился перед перерывом, мордовка расшвыряла нам пустые упаковки с пола и велела запаковать остатки сосисок в них.

Первый запуск я не успевала даже набрать сосиски и упаковывала каждый третий контейнер, за что мордовка покрывала меня дичайшим матом. Второй запуск я не успевала укладывать, а на третий у меня получилось набрать сосиски и даже запихнуть их в пакет, но не ровно, и мат с оскорблениями не прекратился.

В перерыве я еле добежала до туалета. Изза того, что простояла в очереди целую вечность, не успела покурить. Пришлось отложить это до следующего перерыва. Но и в следующий перерыв удалось лишь сходить в туалет. Еле дождавшись третьего перерыва, я решила однозначно, что буду курить, тем более в туалет не хотелось. Захотелось, как только я встала к станку, но отойти было нельзя. Одно заикание об этом вызвало усмешку у женщины напротив и дикий ор мордовки.

– Ты что, дрянь московская, думаешь, мы тут за тебя работать будем? Не поссала – терпи до конца смены! И не смей нассать в штаны, мыть весь цех будешь!

Скажем, мыть весь цех куда проще, чем пописать в штаны, но говорить я ничего не стала. К концу смены у меня

буквально сочилось желание сесть и желательно на унитаз.

В раздевалке я с наслаждением села на пол и дала себе минутку отдохнуть, прежде чем начать собираться домой. Да, уработалась. Но ничего, привыкну.

– Девчонки, Соэль на «Скорой» увезли. Говорят, что у нее кровотечение открылось, надорвалась, – сказала одна из женщин.

Я напряглась. Действительно, Соэль в раздевалке не было.

– И правильно, я бы всех узкоглазых поубивала, – ответила мордовка и плюнула в сторону, – видеть их не могу. Что за нация? Убожества, а не люди! С этими словами она покинула раздевалку. За ней потянулись и остальные. Никто даже не вступился за Соэль.

Даже я.

Игорь

Россия, Иркутск

С фотографии на Игоря смотрел красивый молодой человек. Таких принято называть баловнями судьбы. Шикарные волнообразные волосы, пронзительные изумрудные глаза, немного нахальная улыбка. На фото, помимо жертвы, присутствовала еще девушка, которую парень обнимал свободно, без волнующего намерения прикоснуться к чемуто запретному. Фотография была сделана в одном из ночных клубов Иркутска, вокруг парочки в забавных позах замерли другие посетители заведения. Нарядные и изрядно выпившие, это можно было определить, даже особо не всматриваясь в их лица. Сам же Александр Лавров выглядел трезвым, как и его спутница.

– Саша не любил алкоголь, – рассказала Игорю Валентина Соколова, девушка с фото. – Он и мне не разрешал пить, хотя я считала, что вольна делать все, что угодно моей душе. Но Саше удалось меня переубедить, и я, так сказать, втянулась в трезвый образ жизни. Саша умел веселиться без допинга. Нам было хорошо вместе.

– Насколько мне известно, вы расстались? – спросил Игорь.

– Да, Саша предложил разойтись, я не стала возражать. Вернее, у нас не осталось другого выхода. К тому моменту

мы оба этого хотели, поэтому просто мирно друг друга отпустили. Никто ни на кого не в обиде.

Игорю стало очевидно, что девушка его обманывает. Ее мимика и жесты говорили об обратном, она до сих пор таит обиду. В глазах читался не столько страх за парня, сколько разочарование, что все надежды на возможное воссоединение рухнули.

Валентина попыталась задать вопросы, но Игорь отмахнулся от них, встал и вышел из кабинета следователя, оставив девушку в полном недоумении. Он сталкивался уже с подобными особами. Они считают, что если выложили следователю все, что знали, то он должен им рассказать что-то в ответ. Но они слишком самонадеянные, он ничего никому не должен, кроме этого парня, чье фото попрежнему сжимает в руке.

Игорь должен найти его, спасти и задержать похитителей, чтобы они предстали перед судом и ответили за свои действия.

Игорь Романов вот уже без года двадцать лет занимается расследованием особо важных дел, он всю свою жизнь посвятил работе. Игорь не был женат, но у него была дочь — малышка Виктория, его любовь и отрада, единственная женщина на свете, которой разрешается вмешиваться в жизнь Игоря и дробить ее как пожелает. Дочка живет с мамой, которой так и не удалось стать единственной и неповторимой женщиной в судьбе Игоря. Они расстались тихо, без громких

скандалов и битья посуды. Катя просто собрала свои вещи и ушла от него. После него она так и не нашла себе никого. Они познакомились еще в университете, когда Игорь был на втором курсе и только-только стал влюбляться в юриспруденцию и следственную работу. Катя же училась там не по зову сердца, а по велению отца. Их роман продлился шесть лет, за которые Игорь успел защитить с отличием диплом, поступить на работу в прокуратуру и отработать там помощником следователя три года.

Первый раз Катя ушла от него еще будучи беременной. Вика родилась в июне 2000 года. Еще год с небольшим они жили в режиме «ухожу, но возвращаюсь», но когда дочери исполнилось два, в отношениях с Катей была поставлена точка.

– Ты невыносим, Игорь. Я люблю тебя так же сильно, как и ненавижу, – сказала она в тот вечер, собирая чемодан.

После нанесенной душевной раны Игорь еще больше ушел в работу, которая с удовольствием сжирала все его время, выплевывая его на поверхность только для того минимума, чтобы он мог удовлетворить свои биологические потребности, и засасывала обратно.

Постепенно из рядовых следователей Следственного комитета при прокуратуре России он вырос в следователя по особо важным делам. Стал заниматься особо тяжкими преступлениями, дежурил сутками, повышая свой рабочий день практически до восемнадцати часов.

Похищения были всегда его главным козырем. Он участвовал в спецоперациях, процент раскрытия дел, которыми он занимался, был очень высокий. Игорь старался быть лучшим в своей области. Постепенно из его работы стали уходить рутинные дела, грабежи, разбои, простые убийства, – руководство не желало тратить время ценного сотрудника на дела, которыми могут заниматься молодые салаги.

В 2011 году следственный комитет вышел изпод управления прокуратуры, став самостоятельным органом, не относящимся к какой-либо ветви власти. Вместе с комитетом из прокуратуры ушел и Игорь.

Он получил предложение занять место следователя в следственном комитете и заниматься резонансными делами, львиную долю которых составляли похищения и заказные убийства.

В штате следственного комитета в том самом отделе, где работал Игорь, работало всего сто человек, семьдесят из которых следователи. Несмотря на то что их отдел был внутри следственного комитета, у него было собственное неофициальное название – Федеральное судебное следствие (ФСС). ФСС работает на территории всей России, по закону каждый следственный орган и суд должны оказывать посильную помощь следователям ФСС, проводящим расследование.

Нельзя сказать, что все дела были одинаково сложными или идентичными. Абсолютно нет. Каждое похищение или

заказное убийство отличалось как по мотивам, так и по содержанию.

Последний раз с похищением Игорь работал месяц назад, и тогда дело было совсем легким: похитители требовали выкуп, обещая убить ребенка. Когда в дело вступил Игорь, переговорщики дошли до предъявления требований. Игорь, изучив все материалы дела, пришел к выводу, что, к сожалению, ребенок давно мертв. Он закрыл розыскное дело и возбудил уголовное, которое было передано в следственный комитет. Родители похищенного мальчика долго пытались убедить следователя в обратном, но Игорь был на сто процентов уверен, что ребенка невозможно спасти и теперь преступление необходимо квалифицировать как убийство, сопряженное с похищением человека с целью вымогательства средств. Родители бились в истерике, но сделать было уже ничего нельзя. Они решили проявить самостоятельность и отправились на встречу с похитителями. Деньги они поместили в черный мусорный мешок. Ровно три миллиона рублей. Им пришлось продать квартиру, чтобы собрать необходимую сумму. Как только родители ребенка появились на месте, их убили двумя точными выстрелами. Снайпер сработал чисто. К убитым тут же подбежали люди в масках, схватили мешок с деньгами и скрылись. Правоохранительным органам слишком поздно стало известно о том, что родители пошли на встречу с похитителями.

Наутро тело ребенка было выброшено в один из мусорных

баков. По заключению судебно-медицинской экспертизы, ребенок был мертв уже две недели, то есть его убили еще в день похищения.

Игорь еще несколько недель вспоминал это дело. Как раз тогда он проходил медицинское освидетельствование в связи с повышением звания, и на приеме у психолога выяснилось, что Игорь частично винит себя в смерти семьи.

— Что заставляет вас ощущать свою вину? — поинтересовался психолог.

Игорь и сам бы очень хотел знать ответ. Он никак не мог разобраться в своих чувствах, и такое с ним было впервые. Ведь он мог постараться убедить родителей ребенка в том, что уже нельзя ничего исправить и их дитя невозможно спасти, что стоит смириться с потерей и дать следователям сделать свою работу. Обычно ему было плевать на чувства людей, и он не утруждал себя работой, не связанной с расследованием. Изза этого его считали заносчивым, жестким и даже бездушным. В свой адрес Игорь неоднократно слышал оскорбления и угрозы, но продолжал поступать так, как считал нужным. Он не думал о людях, которые приходились жертвам преступлений близкими. Они ему были безразличны, как и то, что они чувствуют и думают.

— Я не знаю причин, которые заставляют меня ощущать вину. Обычно меня не заботит кроме дела ничего. Но, наверное, в этот раз я облажался и тут. Дело развалилось благодаря самодеятельности родителей ребенка. Ведь я мог убе-

дить их не идти на поводу у вымогателей. Тогда бы все было как надо.

– Игорь Сергеевич, мне кажется, что вы сейчас нечестны даже с самим собой. Только ли по этой причине, что дело вышло изпод контроля, вы осуждаете себя?

– Вы ошибаетесь. Я говорю как есть.

– То есть вы хотите сказать, что вам абсолютно безразличны судьбы людей, которые зависят от вас?

– От меня никто не зависит. Но от моей работы зависят жизни жертв. Все остальные сами по себе.

– Возможно, вы правы. Вы испытываете ненависть к людям?

– Нет, но и любить их не за что, – резко ответил Игорь.
– Люди убивают друг друга, похищают, грабят, насилуют. При этом, как правило, этими убийцами, мошенниками и насильниками являются самые близкие люди. Преступники – самые добрые и порядочные люди, по утверждению самих жертв! Мне мерзко от понимания этой истины. Именно за это я и не люблю людей.

– В ваших словах есть логика. Но все же, может быть, вы дадите шанс людям доказать вам обратное? Не все видят единственный способ справиться с проблемой совершить преступление? И такие люди достойны того, чтобы проявить заботу об их чувствах. Вы можете со мной не согласиться, но подумайте хотя бы над моими словами. После похода к психологу в душе Игоря появилось некоторое смятение. Он

искренне не понимал, почему его жизненная позиция стала вдруг так неприятна психологу? Изза того, что он сказал правду? Все люди друг друга ненавидят, это факт. Они делают вид, что любят, испытывают симпатию, но в реальности это не так.

Люди так и говорят чаще всего: «Я думаю, что люблю».

Когда Игорь впервые увидел фото Саши Лаврова со своей девушкой, то сразу понял несколько вещей. Вопервых, они расстались вскоре после того, как был сделан снимок. По запечатлённому на фото положению руки на плечах девушки Игорь сделал вывод, что у парня отпала необходимость скрывать свое безразличие, а значит, он намерен с ней расстаться. А вовторых, девушка без ума от фотографа. Ведь она знала, что это фото увидит ее парень, но тем не менее не смогла сдержать лукавого взгляда на человека, который и сделал этот снимок. Хотя, что в голове у девушек, понять сложно даже тогда, когда все очевидно. Ведь вполне вероятно, что этот лукавый взгляд должен был пробудить в Саше ревность.

Следователь, который возбудил дело по факту похищения Александра Дмитриевича Лаврова, выдвигал однуединственную версию и обсуждать какиелибо иные даже не соби-рался. Игорю было плевать на мнение следователя, он знал, как нужно делать свою работу.

Игорь запросил у следователя план, изучил его и внес несколько корректировок. С этим планом они отлично доживут до завтрашнего утра. А тем временем ему предстоит

отбросить другие версии.

Первая была связана с похищением парня из личных мотивов. Судя по собранной информации, жизнь у Александра была ключом: он занимался спортом, заканчивал обучение в университете по специальности «юриспруденция» и встречался с Валентиной до недавнего времени. В день похищения Саша был свободен от отношений, в ссорах ни с кем не состоял, заклятых врагов не имел. И вообще был душкой и рубахойпарнем.

Игорь сильно сомневался, что этот парень мог быть «рубахой», ибо с такой внешностью и такими возможностями мало кто остается адекватным человеком без короны на голове. Да и к тому же, если ни мать, ни сестра, ни девушка не знали о возможных проблемах и недоброжелателях парня, это вовсе не значит, что у него их не было. Как правило, родственники большинства убийц никогда даже не могли подумать, что их «хороший парень» может быть душегубом.

Он еще раз взгляделся в фотографию. На заднем плане в экстазе замерли два молодых человека, по их выражению лица было понятно, что они кайфуют. А вот девушка, стоящая прямо за Валентиной, танцевала, не сводя глаз с камеры. И тут два варианта: либо она хотела просто попасть в кадр, либо у нее была конкретная цель.

Игорь вернулся в комнату, в которой допрашивал Валентину. Она все еще находилась там, заполняла какие-то бумаги. Он сел напротив и указал на фото:

– Вы знаете эту девушку?

– Знаю, ее зовут Алина. А что? – недоумевая, какое это отношение имеет к делу, спросила девушка.

– Саша ее знал? – проигнорировав вопрос Валентины, продолжил Игорь.

– Да, она с нами учится. С соседнего курса, финансист.

– Хорошо. Вы сейчас встречаетесь с кемнибудь? – Его вопрос явно заставил Валентину занервничать.

– Нет.

– Хорошо. Вы будете не против, если мы вызовем для допроса человека, который сделал этот снимок? – Игорь внимательно наблюдал за реакцией девушки.

– Мишу? Зачем? – уже не скрывая волнения, спросила Валентина.

– Потому что вы мне лжете, – сказал Игорь.

– Я не лгу, неправда! Я просто еще ни в чем не уверена! – тут же попыталась оправдаться девушка.

– Оставьте следователю все известные вам контакты этой девушки Алины и Михаила. Василий Александрович, доставьте их для допроса как можно скорее.

– Но уже восьмой час вечера! – Следователь был явно недоволен, что ему придется задержаться на работе.

– Я знаю, – сказал Игорь и вышел из комнаты.

Ему выделили небольшой кабинет, поставили стол и разрешили в помещении курить, хотя Игорь не курил. Он выглянул в окно. В январе в Иркутске холоднее, чем в Москве,

но днем так же солнечно. Осматривая место преступления, Игорю даже пришлось надеть солнцезащитные очки. Отражающийся от белоснежного снега солнечный свет слепил глаза. По утверждению матери, Александра забрали прямо возле его машины, на которой он собирался поехать в университет.

По словам коллег Игоря, сестра Саши – Лиза Лаврова – бьется в истерике, обвиняет во всем отца, уже не раз пыталась свести счеты с жизнью. Игорю хотелось поговорить с ней, но делать этого было нельзя до тех пор, пока в его руках не окажется очевидная версия произошедшего. У Игоря на руках была копия бумаг с допроса Лизы, но у него имелся еще ряд вопросов к ней.

Игорь был уверен, что парень жив. Он чувствовал, любовные дразги здесь ни при чем. Все гораздо сложнее, чем могло показаться на первый взгляд.

Саша

Приближается время кормления. Бесстыжая луна шарит по каменному полу в камере, заливая своим светом засохшие пятна крови и вчерашнего супа.

Я не свожу взгляда с входной двери. До моей камеры долетают отголоски громких мужских голосов, смеха и пения, несколько раз я слышу свое имя. Болит голова, я измучен бессонницей. Тело дрожит. В легких надрывно и болезненно гуляет воздух, вдыхаемый неразборчиво, вне такта.

Я сижу, обхватив колени, и пытаюсь согреться. Раны на теле покрыты корками, болезненными, грязными, они постоянно чешутся. Я стараюсь сконцентрировать все внимание на двери, но боль не дает мне ни малейшего шанса.

Это третий восход луны, который я вижу сквозь маленькое окошко. Значит, я здесь уже трое суток. И до сих пор жив. Я слаб, избит, голоден, болен, но жив.

Глазами больно шевелить, словно у меня высокая температура. Ноги, обутые в кроссовки, прилипли к полу, но мне не хватает сил их переставить. Затекшая спина требует разогнуться. Но я не шевелюсь, экономлю силы. Я слышу шаги в коридоре, сердце начинает биться чаще, трепещет как мотылек у светильника. Внутри разливается горячая кровь, словно кто-то открыл кран, и она бурлящим потоком берedit меня, заставляет подняться на ноги, занять уверенную пози-

цию. Мне страшно. Я голоден, но каждый раз не могу заставить себя съесть хоть что-то из рук этого извращенца, который навещает меня в камере.

В комнату входит человек в тяжелых берцах и камуфляже. В руках у него поднос с тарелкой, на которой что-то навалено горой.

– Еда, – говорит мужчина. У него дикий акцент, и получается что-то вроде «ита». Этот голос мне не знаком, значит, это не тот человек, что приходил ко мне предыдущие дни. Совершенно новая личность в моей погребной яме.

Я чувствую запах жареной курицы. Желудок тут же сводит, в глазах мутнеет. Боже, как же я голоден. Рот наполняется слюной.

Мужчина делает несколько шагов ко мне навстречу, куски жареной курицы подрагивают в лунном свете, над ними поднимается ароматный пар. Я осторожно делаю несколько маленьких шагов. Приблизившись к человеку, я протягиваю руку к еде. Ничего не происходит, он не пытается ударить меня или отнять еду. Я нетерпеливо хватаю горячий кусок мяса и сую в рот. Божественно вкусно. Курица приготовлена отлично, сочная, немного смочена лимоном, идеально посоленная. Хотя сейчас мне не до гастрономических изысков, едва ли я отличу вкусного цыпленка от непроваренного супового. Жадно проглотив кусок, я протягиваю руку за следующим, но брать не осмеливаюсь.

– Еда, есть, не бойся, – миролюбиво говорит человек.

В отличие от предыдущего надсмотрщика, этот без маски. Не переставая есть, я поднимаю на него глаза, чтобы внимательно рассмотреть. Пытаюсь поглубже впечатать снимок его лица в память. Когда освобожусь, я буду должен максимально точно описать его. Хотя уже сейчас мне кажется, что я опознаю его из миллиона таких же, как и он.

Я плохо разбираюсь в национальностях и не могу точно определить, к какой относится этот охранник. Он смугловат, с большими темными глазами, острым носом и толстыми губами. Зачесанные назад волосы напоминают вареную китайскую лапшу.

Вожу носом, пытаюсь учуять запах чеголибо, кроме курицы, но не могу.

Доедая второй кусок курицы, я понимаю, что сыт.

– Пить... Я хочу пить, – говорю я.

– Пять минут идти в душ, – отвечает человек. – Еда все?

Я киваю. Человек разворачивается и уходит.

– Спасибо, – говорю ему вслед.

Мужчина молча запирает за собой дверь. Я облизываю остатки жира с губ. Меня клонит в сон, но нужно сделать над собой усилие, потому что охранник сейчас вернется, чтобы сопроводить меня в душ.

Через пару минут, за которые я несколько раз чуть не рухнул на пол, не в силах побороть сонливость, он вернулся. Еда умиротворяла, и теперь мне хотелось одного – лечь на каменный пол и заснуть.

Но в душ хотелось сильнее.

Дверь открывается с громким лязгом.

– Выходить, – сказал охранник.

На ватных ногах я плетусь к двери, осторожно выхожу за порог камеры и замираю возле охранника. Наверное, он наденет на меня наручники, но ничего подобного предложено не было. По темному коридору, подталкиваемый в спину, я, спотыкаясь, бреду до комнаты, откуда несет канализацией. Света в ней нет.

Душевая комната похожа на мою камеру, с тем исключением, что в одном углу унитаз, а в другом – неуклюже торчащая палка с лейкой на конце, табурет у входной двери.

– Полчаса, – говорит охранник и запирает дверь снаружи.

* * *

Горячая вода льется тонкими струйками, стекая по дрожащему телу. Я не нахожу мыла и мочалки, поэтому просто стою под водой и наслаждаюсь каждой отведенной минутой. Я обтираюсь своим свитером, так как полотенца тоже не нахожу. Когда дверь в комнату открывается, я уже полностью одет, в руках мокрый свитер. Мне намного лучше. Чистое тело, горячая вода и еда вернули меня к жизни.

Когда мужчина выводит меня в коридор, я поворачиваюсь по направлению к камере, но охранник, неожиданным мягким прикосновением, поворачивает меня в другую сторону,

туда, где вдалеке горит свет, пахнет вкусной едой, слышатся голоса и смех людей.

– Другая камера, – говорит он.

Мне тут же становится не по себе. Я помню, как отец рассказывал о смертной казни в СССР. Дату казни заранее никто не знает: ни родственники, ни сам заключенный. В день, когда все должно произойти, заключенного кормят, выводят в душ, после чего сообщают, что его переводят в другую тюрьму, и во время конвоирования казнят, пуская пулю в затылок. Ничего не подозревающий заключенный засыпает мирным сном со свинцом в мозгах.

Дрожащими ногами измеряя каждый метр длинного коридора, приближаясь к свету и голосам, я думаю, дойду ли я до вон той трещины в каменном полу или упаду на нее лицом, получив пулю в затылок? Будет ли больно? Услышу ли я звук выстрела? Почувствую ли, как горячий свинец дробит затылочную кость и впивается в мягкую ткань мозга? Увижу ли, как стремительно приближается каменный пол? Или все закончится в один миг? Отец рассказывал, как расстрельная команда извращалась над приговоренными к казни, специально выстраивая траекторию выстрела таким образом, чтобы пуля прошла по касательной, раздробила часть черепа, но оставила человека в живых мучиться до тех пор, пока он не истечет кровью.

Я напуган настолько, что хочется просто упасть замертво и все это прекратить. Чувствую, как желудок сжимается, в

глазах мутнеет.

Темнота.

Глава 2

Вася

Россия, Москва

«Парализация нижних конечностей на фоне инфаркта миокарда и тяжелого течения сопутствующих заболеваний». Такой диагноз мне написали в эпикризе. Федор Петрович вручил листок с синей печатью, его закорючкой внизу и потрепал меня сочувственно по плечу.

Восемь лет Федор Петрович Михайлов является моим лечащим врачом. Никогда в жизни я не позволял себе усомниться в его профессионализме. Я чрезмерно благодарен Федору Петровичу за его работу. Как и всем врачам, во всех больницах, во всем мире. Но сегодня мне было тяжело даже смотреть на него. И дело не в моей болезни и даже не в том, что теперь я прикован к инвалидному креслу.

Мое сердце разорвала совсем другая боль. Нет, не от перенесенного сердечного приступа, не от осознания необратимой парализации ног. Я больше не чувствовал себя целым, потому что мир, где есть мама и я, перестал существовать. Я аккуратно сложил заключение врача в папку с остальными медицинскими документами и уже собирался разворачивать свои новые ногаколёса в сторону двери, но вдруг Федор

Петрович меня остановил:

– Вася, подожди.

Он обогнул мое кресло и запер дверь. Подошел ко мне и положил руку на плечо.

– Я сожалею о твоей маме, сынок, – сочувственно произнес он.

– Спасибо, Федор Петрович. – На глазах наворачивались слезы, но я сдерживал их.

– Послушай меня, сынок. Ты доверяешь мне свою жизнь вот уже восемь лет, запомни то, что я сейчас скажу. Ты не виноват в смерти мамы. Когда приехала бригада «Скорой помощи», она еще была в сознании. Ее схватил приступ прямо на остановке, возле метро. Она везла тебе яблоки и теплые носки. Помнишь, я передал их тебе? Твоя мама ехала к тебе не для того, чтобы обвинить тебя в безответственности, а чтобы заглянуть в твои глаза и сказать, что любит. Гордится твоей силой воли. Она просила непременно передать тебе ее слова.

В его речи я как будто слышал мамин голос. Я до сих пор не могу прийти в себя после ее ухода. В день смерти мамы мне приснился странный сон. Будто она умерла ровно так, как я себе это представлял. В своей постели, скушав очищенное яблоко на ночь. Мирно и безболезненно. А не на улице, брошенная и никому не нужная.

– И вот еще что, – сказал Федор Петрович, – я принес тебе его. Пальто, в котором твоя мама... оно у меня... здесь.

Доктор открыл шкаф и достал пакет, а из него извлек и положил мне на колени пальто. Оно было чистым. Я понюхал лисий воротник. Мамой пахнет. Моей мамой.

– Разве это случилось не на улице? – переспросил я, заметив, что пальто абсолютно не испачкано.

– Лариса почистила его, – сказал Федор Петрович.

Лариса – это жена Федора Петровича, добрая женщина, страдающая астмой.

– Спасибо, – сказал с благодарностью я.

– Досталось тебе, сынок. Твой инфаркт, ноги, еще и мама. Это самое малое, что мы можем для тебя сделать.

* * *

Когда я вернулся домой, мне предстояло сделать много дел. Самое главное – похоронить маму. А все, что у меня есть – это семнадцать тысяч рублей. Остатки от нашей последней пенсии плюс гонорар за вторую статью. Мама успела отвезти материал в редакцию вместо меня, предупредив Павла Витальевича, что я заболел.

Чтобы не дать себе умереть от тоски и страха, я запретил себе плакать. Сердце щемило постоянно, но так теперь будет всегда – единственная, кто могла его успокоить, ушла навсегда. Я обзвонил несколько похоронных агентств. Никогда не думал, что для того, чтобы достойно проводить человека в последний путь, необходимо так много денег. Недолго думая

я решил взять кредит. Агент должен был приехать в шесть вечера. А до этого времени у меня есть два часа, чтоб обзвонить всех маминых подруг и знакомых. Дядя Яков, хоть и неформальный родственник, придет к семи, чтобы помочь всем, чем сможет.

Без пятнадцати шесть в дверь позвонили. Открывал я долго. Пока докатился до двери, пока примостился, чтобы открыть замок, пока отъехал, да пока палкой зацепился за ручку, чтобы потянуть на себя... Целая вечность.

На пороге стоял Павел Витальевич.

– Здравствуйте, Василий, – удивленно посмотрел он на меня.

– Здравствуйте, Павел Витальевич. Проходите, пожалуйста.

– Спасибо.

Павел Витальевич разулся и прошел на кухню. Я предложил чаю, но он отказался и сразу перешел к делу.

– Прошу прощения за вторжение, Василий, но обстоятельства выше нас и наших манер. Я пришел, чтобы сообщить вам неприятную новость. Вы неверно перевели статью. Дело не в тонких мелочах, а в принципиальных различиях – вы не смогли достоверно донести мысли. В то время как в оригинале статьи указано, что заключенные все еще содержатся под стражей в колонии, вы пишете, что смертные приговоры приведены в исполнение и деньги нужны для организации похорон. Разумеется, наши спонсоры жертвовали

деньги людям живым, а не мертвым.

– Простите, Павел Витальевич, но я не понимаю. Это невозможно.

Сказать, что я расстроился, услышав это, не сказать ничего. Меня затошнило от накатившей головной боли. Стальной горячий обруч стянул голову, казалось, из ушей сейчас польются мозги.

– Тем не менее это так. Все переводы подписаны вами. Мы сравнили, что напечатано в журнале и что приносили вы.

– Павел Витальевич, не могли бы вы принести мне папку на моем столе в комнате? Она там одна, вы не перепутаете. Я буду делать это очень долго и задержу вас.

– Конечно. Я еще хочу сказать коечто. Мой визит – это не стремление вас унижить или оскорбить. Единственная цель – разобраться в ситуации.

Пока Павел Витальевич отсутствовал, я вспоминал свой перевод. Я не мог перепутать время и додумать то, чего в материале не было! Больше того, я отчетливо помню тот текст. Однозначно, речь в нем шла не о похоронах!

Когда редактор вернулся и вручил мне папку, зазвонил телефон в кармашке моей коляски, которую мне выделило государство бесплатно. Громоздкий, неповоротливый сундук на колесах. Но спасибо и за это, ведь без него я бы не смог передвигаться вообще.

Звонила подруга мамы, которая получила сообщение на автоответчик.

– Клавдия Степановна, это правда. Я не стал бы вас разыгрывать, поверьте мне. Похороны мамы послезавтра, в час дня. В похоронном зале около кладбища. Да, в котором мы прощались с вашим мужем. Спасибо, мне тоже очень жаль.

Я повесил трубку и положил ее под плед, на колени. Звонков еще будет много, а тянуться несподручно.

– Василий, у вас умерла мама? – недоумевая, спросил Павел Витальевич.

– Да, вчера.

– Мои соболезнования, Василий, самые искренние!

Я поднял глаза, чтобы увидеть его реакцию. Он ведь пришел разобраться в серьезной ошибке переводчика, которому доверился из жалости, и вовсе такого не ожидал. Мне стало интересно, искренне ли он мне сочувствует или это просто из вежливости? По лицу Павла Витальевича читалось, что он шокирован.

– Спасибо.

Он залез в карман пиджака и достал бумажник.

– Пожалуйста, не считите за грубость, но мне не нужны ваши деньги, – сказал я. – Более того, если вы правы и в моем переводе такая грубая ошибка, я верну вам гонорар.

– Нет, я пришел не за тем, чтобы потребовать с вас деньги.

– Тут не о чем дискутировать. Вы не против, я проверю?

– Конечно.

Я раскрыл папку и достал черновики статьи и распечатку текста, который напечатан в журнале. Нашел то место, о ко-

тором говорил редактор и прочитал.

Рукопись:

Фонд помощи призывает всех неравнодушных ознакомиться с подробным отчетом на сайте фонда о делах Г. и П. и попытаться помочь им, внося небольшое пожертвование, которое пойдет на открытие судебного процесса по проверке приговоров в Европейском суде по правам человека.

Журнал:

Фонд помощи призывает всех неравнодушных ознакомиться с подробным отчетом на сайте фонда о делах Г. и П. и попытаться помочь им, внося небольшое пожертвование, которое пойдет на похороны казненных и открытие судебного процесса по проверке приговоров в Европейском суде по правам человека.

– Это не мой перевод, Павел Витальевич, – сказал я.

– Как не ваш? – Он явно был удивлен таким заявлением.

– Вот так, не мой.

– Но в журнале точная копия вашего перевода. Смотрите, он у меня с собой, здесь даже есть ваша подпись.

Павел Витальевич указал на правый нижний угол страницы. Там действительно стояла моя подпись. И тут я вспомнил тот день, когда оказался в больнице. Мама тогда вместо меня отвезла рукопись в редакцию, а потом заехала ко мне и сказала, что Сергей Андреевич, редактор, просит подписать чистые листы, на которых будет набран текст, потому что я пишу от руки.

– Почему у вас рукописный текст? Вы сначала переводите на бумаге, а потом перепечатываете? – прервал мои воспоминания Павел Витальевич.

– Нет, я сдаю перевод в рукописном варианте. У меня, к сожалению, нет компьютера.

– Но Сергей Андреевич сказал, что эта рукопись оригинал, – настаивал Павел Витальевич.

– Нет, это перепечатка с оригинала. Мой текст был написан моей рукой на серых листах. Черными чернилами. Параклякс, простите за них.

Редактор читал текст черновика и сравнивал с «оригиналом». Когда он закончил, то сказал:

– Я разберусь в этом. Очень сожалею о вашей потере и еще раз предлагаю свою искреннюю помощь.

– Спасибо, я справлюсь. Если вам не сложно, сообщите мне, когда все станет известно. Можно просто позвонить, не обязательно тратить время на визит.

* * *

Похороны прошли тихо. Было много приятных слов, греющих душу. Я в последний раз посмотрел на маму и поцеловал ее в щечку. Она выглядела умиротворенной. Я знал, что скоро мы с ней увидимся – она обязательно навестит меня в моих снах. Надеюсь, она поймет меня, и мне не придется объяснять ей свой следующий поступок.

Дядя Яков ездит чрезвычайно неаккуратно. Может быть, от того, что он слеп, как курица ночью, или от того, что страдает от расстройства желудка, изза которого теряется пространственная ориентация, или еще черт знает от чего, но когда его старенький фургон подъехал к магазину, где я купил маме пальто, я готов был выбежать сам, без коляски.

Он помог мне выбраться из машины и вкатил в магазин. Мы подъехали к прилавку, и я сказал:

– Три недели назад я покупал у вас пальто для своей мамы. Я бы хотел его вернуть.

– Почему? Оно пришло в негодность? – поинтересовалась продавец.

– Нет, с пальто все в порядке. Но я хочу его вернуть. – Мне не хотелось объяснять истинную причину своего поступка.

Продавец сдула темный локон со смуглой щеки и посмотрела на меня со смесью раздражения и жалости. Мне надо привыкать к этому взгляду – другого уже не будет никогда.

– То есть изделие качественное? – возмущенно спросила она.

– Верно.

– Почему же вы хотите вернуть его? – непонимающе посмотрела на меня девушка.

Потому что мне нужны деньги. У меня их нет даже на

хлеб. Решение вернуть мамино пальто далось мне тяжело. До пенсии ждать еще полмесяца, а, из нее еще половину выдернет похоронное агентство. А маме это пальто уже никогда не пригодится. Но я не мог сказать об этом продавцу. Поэтому молчал.

– Так нельзя, мы не можем принять пальто. Вы могли вернуть его только в течение двух недель с момента продажи. Но прошло больше. Извините.

– Правда? – Я вдруг растерялся.

– Да.

– Ну что же, простите за беспокойство. Дядя Яков, мы можем уезжать.

Дядя Яков мужчина крупных размеров. Проблемы с сердцем заставили его тело стать больше, хотя и природой ему дарован рост под метр девяносто. Весит он более ста килограммов. Лицо всегда красное, как будто бы в нем постоянно закипает ярость. Откатив меня подальше от кассы и поставив мою телегу на «тормоз», он подошел в упор к продавщице, отчего та прогнулась в страхе, и гневно зашептал ей в лицо, но я все равно все услышал:

– Послушайте, леди, у этого парня две недели назад случился инфаркт. У него отнялись ноги – и это навсегда. А неделю назад его мать умерла, когда ехала к нему в больницу с теплыми носками. Позавчера он ее похоронил, влез в кредит. Знаете, сколько стоит сейчас упокоить человека? Я скажу вам – самая скромная церемония обойдется в пять-

десять тысяч. Работать он не может, у него небольшая пенсия. Деньги за пальто ему жизненно необходимы. Попробуйте чтонибудь решить, я оставлю номер его телефона. Вы еще слишком молоды, чтобы понять это, но вы дочь. У вас есть мама. От нас двоих – здоровья ей и вам благополучия, чтобы вы не оказались в его положении. До свидания!

* * *

Я махал всеми подвижными частями своего тела, когда дядя Яков привез мне продукты. Я возражал, говорил, что не собираюсь быть нахлебником, что придумаю чтонибудь. В конце концов сяду на диету до пенсии. Но он просто разгрузил продукты в холодильник и, собираясь уходить, потрепал меня по голове. Я подъехал к холодильнику, открыл его и стал швырять в дядю яблоками, требуя, чтобы он все немедленно забрал. Дядя Яков велел мне съесть все, потому что послезавтра привезет еще. После этого он захлопнул за собой входную дверь, и я остался один на один с полным холодильником еды.

Я кинул последнее яблоко. Оно попало в дверь, после чего вернулось мне в лицо. Наверное, будет шишка. Я схватил яблоко и разгрыз его прямо в прихожей.

Неожиданно в квартире раздался телефонный звонок, выдернув меня из раздумий о том, что же мне теперь делать.

– Алло!

– Василий? Это Павел Витальевич. Я не вовремя? – поинтересовался он.

– Здравствуйте. Я слушаю вас.

– Мы выяснили, что случилось с вашим переводом.

– Расскажите скорее, – попросил я Павла Витальевича.

– Открывайте.

В этот момент раздался звонок в дверь. Я повесил трубку и подъехал к двери. Прodelал все манипуляции, расчистил дорогу от яблок и потянул тростью дверь на себя.

– Вы просили позвонить, – улыбнулся Павел Витальевич, – вот я и позвонил. Но все же заехал, если вы не против.

– Проходите, – улыбнулся я в ответ. – Извините за яблоки.

– Варенье варили? – поинтересовался он.

– Нет, прогонял коекого. Угощайтесь, если не брезгуете.

Пол чистый.

– С удовольствием.

Павел Витальевич нагнулся, выбрал самое вкусное, по его мнению, яблоко, собрал и положил на тумбочку другие. Выбранное яблоко он все же потер о джинсы, отполировал лацканом пиджака и с хрустом откусил.

– Вкусно! Чаю не предлагаете? – спросил Павел Витальевич.

– Отчего же, проходите, я сейчас.

Редактор разделся и прошел на кухню. Я залез в холодильник. Достал конфеты, которые купил дядя Яков, цикорий вместо кофе и молоко. Когда приехал в кухню, чайник

уже вскипел, а редактор доедал яблоко. На столе лежали три больших конверта формата А4.

– У меня только цикорий. – Мне было неловко, но выбора не было.

– Устроит.

Павел Витальевич залез в портфель и достал бутылку коньяка.

– Мне нельзя...

Редактор выбросил огрызок в мусорное ведро под раковиной, достал кофейные чашки и за процессом разведения цикория, игнорируя мои попытки стать гостеприимным хозяином, начал рассказывать:

– Знаете, Василий, жизнь действительно полосатая. Кажется, что полоса темного цвета длится вечность, а светлая пролетает вмиг. Все хорошее мимолетно. Но если бы не было темного, как бы мы узнали, что существует белое? Банально вышло, не так это у меня в голове звучало. Мы каждый день видим смерть и стараемся сократить эти зрелища. – Тут он резко перевел тему разговора. – Василий, ваш текст перепечатывала девушка, имеющая диплом престижного лингвистического вуза, но я не взял ее на работу, потому что у нее был только диплом. Знаний не было. С вами все наоборот. Она даже не удосужилась прочитать ваш перевод до конца. Сергей Андреевич поручил ей тоже переводить текст, потому что не был уверен, что вы уложитесь в сроки. Когда вы сдали перевод, она заменила его на свой и выдала за ваш.

После того как вышел номер, она пришла ко мне и показала результат в журнале, надеясь, что я вышвырну вас и повышу ее в должности. Выяснил все Сергей Андреевич. Он очень извиняется перед вами за произошедшее. Пейте цикорий, конфеты очень вкусные.

Павел Витальевич капнул в свою чашку коньяку, и уже было собирался продолжить разговор, как телефон зазвонил вновь. Я извинился и ответил:

– Алло.

– Добрый день, моя фамилия Шемантье. Я бы хотела услышать Василия Ковалева.

– Я слушаю.

– Василий, я управляющая магазином, в котором вы приобрели пальто. Наш продавец рассказала мне о вашей ситуации. Прошу принять наши искренние соболезнования по поводу скоропостижной смерти вашей мамы, а также извинения за доставленные неприятности в магазине. И еще хочу сообщить вам, что мы ждем вас в любое удобное время, чтобы вы могли вернуть пальто.

– Спасибо.

– Всего доброго, – сказала женщина.

Я положил трубку и посмотрел на Павла Витальевича, давая понять, что готов продолжить разговор.

– Хочу предложить вам работу, Василий. Ситуация с вашим переводом навела меня на мысль, что нам необходим эксперт, который бы проверял переводы наших авторов и да-

вал бы заключения о проделанной работе. Если захотите, то сможете брать переводы сами. Что скажете? В этих конвертах статьи, которые необходимо отредактировать.

В этот момент я подумал, что жаль, мама меня не видит.

Я немного помолчал и отпил цикорий с коньяком вкуса светлой полосы.

– Всетаки оставлю его у себя, – многозначительно произнес я.

– Оставьте? – переспросил Павел Витальевич. На его лице отразилось недоумение. – Что оставите, Василий?

– Мамино пальто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.